

А. П. СУМАРОКОВ

Ответ на критику

Не надлежало бы мне ответствовать на сочиненную против меня г. Т<редиаковским> критику, ибо я в ней кроме брани ничего не нашел. Однако надобно его потешить и что-нибудь на то напи-

сать, чтоб он не подумал, что я его так много уничтожаю, что уж и отвечать не хочу. Ежели на все то, что он написал, ответственность, так я очень много потеряю времени, а часа два за работу долгой его критики я употребить к его услугам не скуплюсь.<•••>

§ I

Не дивлюсь, говорит он, *что поступка нашего автора безмерно сходствует с цветом его волос, с движением очей, с обращением языка и с биением сердца.* О каком он говорит биении сердца, того я не понимаю, в прочем сия новомодная критика очень преславна!

§ II

Не думает ли он, говорит он обо мне, *чего он сам стоит и что и каков тот, против которого он как с цепи спустил своевольную в лихости свою музу?*— Думаю.

§ III

В одах требует он исторического порядка и хулит, что Кир упомянут прежде Июлия.<•••>

Все равно, что о том герое говорить порядком историческим, которого стихотворец воспевае, что о тех, которых он с ним сравнивает: история в оде должна быть непорядочна.

§ IV

Хулит он изъяснение *грозный вал* и хвалит *зыбкий вал*, не знаю для чего.

§ V

Приводя в пример он строфу из некоторой оды г. Л<омоносова>, не узнал он, что автор недремлющими называет очами, хотя то и совершенно изъяснено, что автор недремлющими очами называет звезды, а он подумал, что то сказано о ангелах. А строфа сия очень ясна.

§ VI

Привязался он к типографическим двум погрешностям, как будто клад нашел.<•••>

§ VII

И хотя ж оды свойство, говорит он, *по мнению авторову, что она:*

Взлетает к небесам, свергается во ад
И мчится в быстроте во все края вселенны,
Врата и путь везде имеет отворенны.

(Вторая из двух моих Епистол).

Однако де сие не значит, чтоб ей соваться во все стороны, как угорелой кошке.

Я как угорелая кошка не суюсь, а подлому изъяснению, как угорелой кошке, кроме его сочинений, ни в какой критике места не нахожу.

§ VIII

Беспорядок оды долженствует быть порядочен. Порядочный беспорядок – есть любимое его изъяснение, как прекрасная красота, приятная приятность, горькая горесть, сладкая сладость: а Боало не говорит, чтоб в оде был порядочный беспорядок. <•••>

<•••> § XI

Говорит он о мне моими стихами:
Нет тайны никакой безумственно писать,
Искусство, чтоб свой слог исправно предлагать,
Чтоб мнение творца воображалось ясно
И речи бы текли свободно и согласно.

(Во второй из двух моих Епистол.)

Я не знаю, к кому сии стихи, ко мне или к нему больше приличествуют. Песенка:

Поют птички,
Со синички,
Хвостом машут и лисички.

Плюнь на суку,
Морску скуку,
Держись черней и знай штуку.

Кажется мне, не лучше моих сочинений. <•••>

Наставление хотящим быти писателями

Для общих благ мы то перед скотом имеем,
Что лучше, как они, друг друга разумеем
И помощью слов пространна языка
Все можем изъяснить, как мысль ни глубока.
Описываем все и чувство и страсти
И мысли голосом делим на мелки части.
Приняв драгой сей дар от щедрого творца,
Изображением вселяемся в сердца.
То, что постигнем мы, друг другу объявляем

И в письмах то своих потомкам оставляем.
Но не такие так полезны языки,
Какими говорят мордва и вотяки.
Возьмем себе в пример словесных человеков:
Такой нам надобен язык, как был у греков,
Какой у римлян был и, следуя в том им,
Как ныне говорят Италия и Рим,
Каков в прошедший век прекрасен стал французской,
Иль ближе объявить, каков способен русской.
Довольно наш язык в себе имеет слов,
Но нет довольного на нем числа писцов.
Один, последуя несвойственному складу,
В Германию влечет российскую Палладу
И, мня, что тем он ей приятства придает,
Природну красоту с лица ее сотрет.
Другой, не выучась так грамоте, как должно,
По-русски, думает, всего сказать не можно,
И, взяв пригоршин слов чужих, сплетает речь
Языком собственным, достойну только сжечь.
Иль слово в слово он в слог русский переводит,
Которо на себя в обнове не походит.
Тот прозой скаредной стремится к небесам
И хитрости своей не понимает сам.
Тот прозой и стихом ползет, и письма оны,
Ругаючи себя, дает пища в законы.
Кто пишет, должен мысль очистить наперед
И прежде самому себе подати свет,
Дабы писание воображалось ясно
И речи бы текли свободно и согласно.
Посем скажу, какой похвален перевод:
Имеет склада всяк различие народ.
Что очень хорошо на языке французском,
То может скаредно во складе быти русском.
Не мни, переводя, что склад тебе готов;
Творец дарует мысль, но не дарует слов.
Ты, путаясь, как твой творец письмом не славен,
Не будешь никогда, французся, исправен.
Хотя перед тобой в три пуда лексикон:

Не мни, чтоб помощью тебя снабжал и он,
Коль речи и слова поставишь без порядка;
И будет перевод твой некая загадка,
Которую никто не отгадает век,
Хотя и все слова исправно ты нарек.
Когда переводить захочешь беспорочно,
Во переводе мне яви ты силу точно.
Мысль эта кажется гораздо мне дика,
Что не имеем мы богатства языка.
Сердися: мало книг у нас, и делай пени.
Когда книг русских нет, за кем идти в степени?
Однако больше ты сердися на себя:
Пеняй отцу, что он не выучил тебя.
А если б юности не тратил добровольно,
В писании ты б мог искусен быть довольно.
Трудолюбивая пчела себе берет
Отвсюду то, что ей потребно в сладкий мед.
И посещающа благоуханну розу,
В соты себе берет частицы и с навозу.
А вы! которые стремитесь на Парнас,
Нестройного гудка имея грубый глас,
Престаньте воспевать! песнь ваша не прелестна,
Когда музыка вам прямая неизвестна!
Стихосложения не зная прямо мер,
Не мог бы быть Мальгерб, Расин и Молиер.
Стихи писать не плод единыя охоты,
Но прилежания и тяжкия работы.
Однако тщетно все, когда искусства нет,
Хотя творец, пища, струями поты льет.
Без пользы на Парнас слагатель смелый всходит,
Коль Аполлон его на верх горы не взводит.
Когда искусства нет иль ты не тем рожден,
Нестроен будет глас и слаб и принужден.
А если естество тебя и одарило,
Старайся, чтоб сей дар искусство повторило.
Во стихотворстве знай различие родов
И что начнешь, ищи к тому приличных слов,
Не раздражая муз худым своим успехом:

Слезам Талию, а Мельпомену смехом.
Пастушка моется на чистом берегу,
Не перлы, но цветы собирает на лугу,
Ни злато, ни серебро ее не утешает:
Она главу и грудь цветами украшает.
Подобно каковой всегда на ней наряд,
Таков быть должен весь стихов пастушских склад.
В них громкие слова, чтеца ушам жестоки,
В лугах подымут вихрь и возмутят потоки.
Оставь свой пышный глас в идиллиях своих
И в паствах не глуши трубой свирелок их.
Пан скроется в леса от звучной сей погоды,
И нимфы у поток уйдут от страха в воды.
Любовну ль пишешь речь или пастуший спор:
Чтоб не был ни учтив, ни грубым разговор,
Чтоб не был твой пастух крестьянину примером
И не был бы опять придворным кавалером.
Вспевай в идиллии мне ясны небеса,
Зеленые луга, кустарники, леса,
Биющие ключи, источники и рощи,
Весну, приятный день и тишь темной ночи.
Дай почувствовати мне пастушью простоту
И позабыти всю мирскую суету.
Плачевный музы глас быстрее проникает,
Когда она в любви, стоная, восклицает,
Но весь ее восторг, Эрата чем горит,
Едино только то, что сердце говорит.
Противнея всего элегии притворство,
И хладно в ней всегда без страсти стихотворство,
Колико мыслию в него ни углубись:
Коль хочешь то писать, так прежде ты влюбись.
Гремящий в оде звук, как вихорь, слух пронзает,
Кавказских гор верхи и Альпов осызает.
В ней молния делит на полы горизонт,
И в безднах корабли скрывает бурный понт,
Пресильный Геркулес злу Гидру низлагает,
А дерзкий Фаэтон на небо возбегает.
Скамандрины брега богов зовут на брань.

Великий Александр кладет на персов дань,
Великий Петр свой гром с берегов балтийских мечет,
Екатеринин меч на Геллеспонте блещет.
В эпическом стихе Диана – чистота,
Минерва – мудрость тут, Венера – красота.
Где гром и молния, там ярость возвещает
Разгневанный Зевес и землю возмущает.
Когда в морях шумит волнение и рев,
Не ветер то ревет, ревет Нептуна гнев.
И эха голосом отзывным лес не знает,
То Нимфа во слезах Нарцисса вспоминает.
Эней перенесен на африканский берег,
В страну, в которую имели ветры бег,
Не приключением, но гневная Юнона
Стремится погубить остаток Илиона.
Эол в угодность ей Средьземный понт ломал
И грозные валы до облак воздымал.
Он мстил Парисов суд за почести Венеры
И ветром растворил глубокие пещеры.
По сем рассмотрим мы свойство и силу драм,
Как должен представлять творец пороки нам
И как должна цвести святая добродетель.
Посадский, дворянин, маркиз, граф, князь, владетель
Восходят на театр: творец находит путь
Смотрителей своих чрез действие ум тронуть.
Коль ток потребен слез, введи меня ты в жалость,
Для смеху предо мной представь мирскую шалость.
Не представляй двух действий моих на смеси дум;
Смотритель к одному тогда направит ум.
Ругается смотря единого он страстью
И беспокоится единого напастью:
Афины и Париж, зря красну царску дочь,
Котору умерщвлял отец, как лютей зверь,
В стенании своем единогогласны были
И только лишь о ней потоки слезны лили.
Не тщись мои глаза различием прельстить
И бытие трех лет во три часа вместить:
Старайся мне в игре часы часами мерить,

Чтоб я, забывшись, возмог тебе поверить,
Что будто не игра то действие твое,
Но самое тогда случившись бытие.
И не греми в стихах, летя под небесами;
Скажи мне только то, что страсти скажут сами.
Не сделай трудности и местом мне своим,
Чтоб я, зря твой театр имеючи за Рим,
В Москву не полетел, а из Москвы к Пекину;
Всмотрясь в Рим, я Рим так скоро не покину.
Для знающих людей не игрищи пиши;
Смешить без разума – дар подлая души.
Представь бездушного подьячего в приказе,
Судью не знающа, что писано в указе.
Комедией писец исправить должен нрав:
Смешить и пользоваться – прямой ее устав.
Представь мне гордого, раздута, как лягушку,
Скупого: лезет он в удавку за полушку;
Представь картежника, который, снявши крест,
Кричит из-за руки, с фигурой сидя: рест.
В сатире ты тому ж пекись пиша смеяться,
Коль ты рожден, мой друг, безумных не бояться,
И чтобы в страстные сердца она втекла,
Сие нам зеркало в сто раз нужней стекла.
А эпиграммы тем единым лишь богаты,
Когда сочинены остры и узловаты.
Склад басен Лафонтен со мною показал:
Иль этак Аполлон писати приказал.
Нет гаже ничего и паче мер то гнусно,
Коль притчей говорит Эзоп, шутя невкусно.
Еще мы видим склад героических поэм,
И нечто помяну я ныне и о нем.
Он подлой женщиной Дидону превращает,
Или нам бурлака Энеем возвещает,
Являя рыцарьми буянов, забияк;
И так таких поэм шутливых склад двояк.
Или богатырей ведет отвага в драку,
Парис Фетидину дал сыну перебяку.
Гектор не в брань идет, но во кулачный бой,

Не воинов, бойцов ведет на брань с собой.
Иль пучится буян: не подлая то ссора,
Но гонит Ахиллес прехраброго Гектора.
Замаранный кузнец во кузнице – Вулкан,
А лужа от дождя – не лужа, окиян.
Ребенка баба бьет: то гневная Юнона;
Плетень вокруг гумна: то стены Илиона.
Невежа, верь ты мне и брось перо ты прочь
Или учись писать стихи и день и ночь.